

Культура языка в психотерапии и язык психотерапии в культуре

Бондаренко А.Ф. Киев

Уважаемые коллеги! Древнее значение русского слова «язык» – «народ». Современное значение слова «язык» необозримо. Можно без оглядки констатировать: язык – это воплощение сущности антропного способа бытия.

От собрания текстов древнейших «Вед», «Библии» и античных философов до современного интернетовского гипертекста с его ассоциативными связями, аллюзиями и бесконечным разнообразием культурных слоев явственно прослеживается историческая логика развития человеческого интеллекта. Звук – образ – знак – смысл – концепт – понятие.

И далее: идея – гипотеза – концепция – категория – система.

Слово и система слов, употребляемых по определенным правилам, пронизывают все эти процессы, составляя их сущность. Сущность образующую, формирующую не просто видение и понимание мира человеком, но создающую самого человека.

Наиболее ярко эта, энергетическая и созидательная миссия

языка, по всей вероятности, впервые была осмыслена Вильгельмом фон Гумбольдтом. Затем в работах представителей психологической школы языкознания – от Хеймана Штейнталя и А.А. Потебни до выдающихся представителей лингвистической философии – Людвига Витгенштейна, Эрнста Кассирера, Рудольфа Карнапа и современных пост-структуралистов – Жака Дерриды, Мишеля Фуко и др.

Язык – это **универсальный ключ** познания, общения и управления, которым пользуется человеческий интеллект. Овладение языком, управление языком, создание языка – высшие формы проявления человеческой власти в социуме.

Власти научной, идеологической, политической и психологической. Язык – это маркер и человека, и специалиста. Это и пароль, и клеймо, и ярлык и код.

Произнесет коллега в своем докладе слова: *«стимул»*, *«реакция»*, *«обратная связь»*, *«подкрепление»*, *«социальное научение»* – и мы понимаем, чью семантику и логику он воспроизводит.

Произнесет: *«перенос»*, *«эдипов комплекс»*, *«катексис»*, *«оральная*

фиксация», «вытеснение» – и ясно, чьи слова и идеи он транслирует. Произнесет: *«самоактуализация», «пиковые переживания», «заброшенность в мир», «тревога», «эмпатия», «здесь и сейчас»* и понятно, кому поклоняется.

А будут произнесены слова «архетип», «мандала», «персона», «самость», «индивидуация», «синхроничность» – и за произносящим их возникнет вполне четкая тень автора этих терминов и понятий.

В каком же смысле язык ключ?

В том, что открывает, какую систему значений: денотатов и коннотатов, представляет его носитель.

Особенно тогда, когда это носитель не знания-открытия, не знания исследовательского, а знания-толкования, знания интерпретативного, т.е. **идеологического**. В этом смысле значимость проблемы языка в современной психотерапии трудно, если не невозможно переоценить. Поскольку язык отражает и поддерживает и определенную идеологию, и – шире – определенную культуру.

Если же говорить о психотерапии, то все это самым непосредственным образом касается как психотерапевтов, так и страждущих, пациентов.

Простой пример: если психотерапевт оперирует терминами: **страдание – жалоба – диагноз– лечение – пациент**, очевидно, что дальше с высокой вероятностью речь пойдет о мозговых или нейротрансмиттерных дисфункциях, о дофаминовых рецепторах, ингибиторах обратного захвата норадреналина или серотонина, о титровании препаратов и т.п. и уже затем о **собственно психологической** терапии. И совершенно очевидно, что такой профессионал никогда не произнесет одиозное словосочетание «душевная болезнь», когда речь идет именно о патологии мозговой деятельности. Ведь мозговые дисфункции могут поразить и человека светлейшей души. Наоборот, он будет различать **душевные страдания** человека и **мозговые явления**. Будет пытаться фармацевтическими средствами восстанавливать мозговые функции, в то же время психологически поддерживая раненую страданиями душу пациента.

Если же психотерапевт употребляет термины : **клиент – запрос – проблема – помощь в решении**, – так же ясно, что дальше наступает фаза беспрестанного кивания головой, агакания, переспрашиваний, осознанного или неосознанного наведения транса, обращения к ресурсным

состояниям, сублимностям, работа с ощущениями, предложения высказаться от имени руки или ноги, срежиссировать симптом и, в общем, весь этот театр на двоих или на дюжину, который, в случае, если клиент - не пришедший поучиться всем этим фокусам психолог, а всамделешный пациент, вполне имеет шанс закончиться не просто потерей времени и денег, а инвалидностью или чем похуже. По той простой причине, что подобный специалист склонен **психологизировать** и мозговую патологию, и духовные коллизии человека, забывая или не задумываясь о том, что человек это прежде всего **организм**, а уж затем носитель идеологии, представлений, смысла и т.п. психосоциальных образований. Или, как говорили великие экзистенциалисты: « **Существование предшествует сущности**».

Отчего и каким образом проявилась эта тенденция к гиперпсихологизации, я скажу очень кратко, поскольку само это явление, сущность которого состоит в том, что человеку внушается, будто он и только он сам несет ответственность за происходящее с ним, требует глубокого и всестороннего анализа. Согласно некоторым предположениям, причинами, породившими это мощное идеологическое течение, явились следующие факторы:

1) организация «Движения за моральное перевооружение» в 20-е годы в Оксфорде под руководством Фрэнка Бакмэна (Frank Buchman) с его принципами абсолютной любви, абсолютной бескорыстности, предельной открытости, акцентом на анализе самоощущений, общий замысел которого (движения) заключался буквально в **создании новой мировой религии** (см. http://www.larouchepub.com/russian/lar/2002/a4241_moonification.html).

2) знакомство с этими принципами молодого протестантского священника Карла Роджерса в 20-е годы в Китае, где он пребывал по линии возглавляемой Бакмэном организации «Young Men Christian Association» (см. **Psychotherapy and Religion, by Bob Potter.** - <http://ed5015.tripod.com/ReligPsychotherapyAndRelig44.htm>)

3) могучая финансовая и организационная поддержка психоаналитического и экзистенциалистского движения в самых богатых странах бывшей Британской империи после Второй мировой войны, прежде всего в США, где в пятидесятые годы, благодаря беспрецедентным прибылям от второй мировой войны, возникло общество массового потребления, в котором понятие «покупатель» было заменено понятием «потребитель», а термин «пациент»

термином «клиент».И вот в 1959 г. Британским парламентом был принят закон о психическом здоровье, в котором, - цитирую: **«Informal, rather than compulsory, treatment is emphasized, and nothing in the Act is to interfere with this principle. When compulsory treatment becomes inevitable there are many safeguards against wrongful detention. No distinction is made, as regards administration, between psychosis and mental defect, all disorders of the mind coming under the heading of “mental disorder”.**MENTAL HEALTH ACT, 1959 BRITISH DEC. 26, MEDICAL JOURNAL DEC. 26,1959, P.1479.»

Иными словами, закон спровоцировал, а затем и вовсе привел к деинституализации психиатрии, подорвав значимость государственной психиатрической помощи, и оставив людей на произвол многочисленных специалистов «помогающих» профессий, что привело к ложной дилемме, т.е. выбору между двумя равно неприятными возможностями. Либо пациент, страдающий психическим расстройством медленно сходил с ума при коммерчески заинтересованном участии психолога или психоаналитика. Либо, в силу известной закономерности, присоединялся к носителям сходного диагноза посредством участия в различных девиантных группировках, биохимическим ферментом которых служили психоактивные вещества. Интересен язык, которым сопровождалась эти

нововведения. Это была и есть риторика, наполненная словами «Личная свобода», «Диагноз – медицинская метафора», «Врачебные репрессии», «Безумие как культурная практика», «Демедикализация», «Психотерапизация» и т.п. «Тот, кто контролирует лексику, контролирует социальную реальность», - таково, кстати, высказывание известного публициста от антипсихиатрии Томаса Сасса.

Таким образом, с середины пятидесятых годов XX века в ходу было, как минимум, три языковые подсистемы, три своеобразных идеологических жаргона, призванных обслуживать якобы объяснительные, а на самом деле выполнявшие атрибутивные функции в трактовке как социальных, так и психологических явлений.

Во-первых, это **подъязык психоанализа** во всех его разновидностях, в котором вся совокупность возможных причин психосоциальных и индивидуально-психологических феноменов сводилась к описанию полтора десятков **способов самообмана и эмоциональной разрядки себя** («психологические защиты») и попыткам подвести под то или иное поведение публичных фигур или пациентов систематизированные фантазии, относящиеся к ранним парасексуальным переживаниям.

Во-вторых, это язык философии экзистенциализма и антипсихиатрии, также отражающий проблематику **неподлинного поведения** и делающий акцент на идеях свободы, ответственности, самоактуализации, аутентичности личностного, а не корпоративно детерминированного ролевого бытия. Этот подъязык широко насаждается как язык психотерапии, но следует признать: это, скорее, все же практическая философия, претендующая на статус секуляризованной религии, только без Бога. Наподобие буддизма. Вот почему многие ее приверженцы любят ссылаться на Будду. «Мир психоза есть полная неподлинность, но психоз есть результат выбора самого человека», - такова квинтэссенция данного течения, предельно точно сформулированная Людвигом Бинсвангером.

В третьих, это подъязык бихевиоризма, основанный на идее психики как «черного ящика», на входе в который мы имеем стимул, а на выходе реакцию.

Конечно, велик соблазн условиться считать эти подъязыки языковыми играми. Некоторые филологи так и поступают, ссылаясь на идеи Людвига Витгенштейна. Существует однако «но», которое не позволяет так поступать психологам. В игре, как известно, мотивообразующим фактором является **процесс**, в то время, как в

деятельности – результат. Игра сама по себе является вознаграждением. Но вот в 1964 году Б. Скиннер получает грант от Национального института психического здоровья на 283 тысячи долларов на написание книги «За пределами свободы и достоинства». Каков же результат? Скиннер в этой книге утверждает, что понятия свободы и достоинства должны быть отброшены и что человеческое поведение должно быть кондиционируемо, т.е. обусловлено элитой. Эти сочетания слов, хорошо оплаченные государственным учреждением, совсем не похожи на языковую игру. Зато они очень похожи на сочетание слов, отражающих вполне определенную репрессивную культуру совсем другого государства и другого исторического времени.

В 1936г. в обращении к американским слушателям Ленинского университета были произнесены такие слова: «Вы должны трудиться, пока мы не добьемся господства над душами и телами каждого значительного лица в вашей стране...Вы откроете, что все средства будут нацелены на помощь вам в овладении, контроле и использовании «психического исцеления» для распространения нашего учения и избавления нас от наших врагов в пределах их собственных границ». Эти слова произнес Лаврентий Берия, раскрывая сущность понятия «Психополитика» («You must labor until we have dominion over the minds and bodies of every important person in your nation....You will

discover that everything will aid you in your campaign to seize, control and use a 'mental healing' to spread our doctrine and rid us of our enemies within their own borders."

(<http://www.newswithviews.com/Cuddy/dennis16.htm>).

Оказывается, прямо по Жаку Лакану, что индивид есть не что иное как «атрибут культуры, говорящей через него самого». Если несколько упростить эту мысль, получим в осадке: язык воплощает в себе ту или иную культуру, приверженность которой предопределяет отношение человеку к миру, к другим людям и к себе самому.

Оказывается, прямо по Жаку Лакану, что индивид есть не что иное как «атрибут культуры, говорящей через него самого». Если несколько упростить эту мысль, получим в осадке: язык воплощает в себе ту или иную культуру, приверженность которой предопределяет отношение человеку к миру, к другим людям и к себе самому.

Что касается психоаналитического подъязыка, то он вообще стал *lingua franca* гуманитарных наук в XX веке. Возьмем ли мы литературоведческие исследования или политологические изыскания или просто высказывания политических фигур - везде мы в обилии встретим описания личных, творческих или исторических событий, трактовки которых направлены не столько на прояснение истинных

детерминаций явления, сколько на попытки найти в этих явлениях доказательства правоты соответствующего учения. По-видимому, старт этим явлениям был дан самим З. Фрейдом. В его работах 1910 и 1928 годов, посвященных, первая, Леонардо да Винчи, а вторая – Ф.М. Достоевскому (статья «Достоевский и отцеубийство»). Мостик, перекинутый из психоанализа к идеологии в культуре, стал испытывать на прочность многочисленные писатели, политики, литературоведы и социологи. В качестве ярких примеров подобной тенденции можно привести известные работы М. Арнаутова и Л. Демоза.

Так, в частности, трактовались события Уотергейтского скандала, а до того – Кубинского кризиса, а после того – войны США во Вьетнаме и т.д. Выражения типа «очистить авгиевы конюшни», «увидеть свет в конце тоннеля», «не позволим удушить» или «скажем наше твердое «нет» размахиванию ядерными боеголовками» выделялись как **объяснительные маркеры** происходящего. В связи с тем, что эти выражения как нельзя лучше иллюстрируют физиологические процессы, относящиеся к приему пищи, выделению и деторождению, но, главным образом, то обстоятельство, что психологическая значимость этих процессов была подчеркнута в психоанализе, сам **язык описания** принимался за **подлинное объяснение** происходящего. Как известно, любое учение

всесильно, потому что оно верно. Ведь учение подразумевает **веру** в него и **верность** ему. Учение исключает сомнения. **Учение превращается в субкультуру**, поскольку **подъязык создает свои парциальные смыслы**, определяющие угол зрения. Но, что еще важнее, **подъязык идеологии** стремится **превратиться в метаязык**, т. е. претендует на описание описываемого в семантике более высокого порядка. В частности, путем сведения всего разнообразия каузации явлений к нескольким фантазийным конструкциям. Так, например, с позиций марксистской субкультуры и подъязыка Иван Алексеевич Бунин – типичный представитель разорившегося мелкопоместного дворянства с «геморроидальными глазками» (В.Катаев). Сергей Александрович Есенин - выразитель кулацких настроений, а Михаил Михайлович Зощенко - носитель обывательской психологии и т.п.

В этом смысле язык психотерапии настолько же инкорпорируем в культуру, насколько инкорпорируем в нее язык любой идеологии. Рассмотрим теперь другой аспект этой проблемы.

Обратимся теперь к **страждущим**, т.е. к пациентам. Здесь присутствующим хорошо известно, что культурные представления людей вследствие самовнушения соответственных языковых формул могут влиять на течение

и последствия их страдания. Лично я знаю многочисленные случаи, когда пациенты, пришедшие на консультацию с убеждением, зафиксированном в мантре «Мне сделано», не только сами отказывались от лечения, но и их родные и близкие не могли принять факта наличия эндогенного хронического процессуального расстройства. Но с неколебимой убежденностью, которая отличает носителей именно архаизированной культуры, продолжали есть **якобы лечебную** зеленую глину, выискивать у себя в квартире чужие волосы, ходить к бабкам, которые выкатывают яйцами до тех пор, пока в результате крайних обстоятельств в их жизнь не вмешивалась скорая медицинская помощь.

Если же говорить не о серьезных диагнозах, а о таких просто неприятных как, скажем, синдром гиперактивности и дефицита внимания, в прямом смысле этого слова биче современных детей, то, позволю себе заметить: без назначения современных лекарств типа атомоксетина и/или соответствующих пищевых добавок, например, Руспогенол, работа с психологом становится не просто паллиативом, а психотерапией со злым умыслом, поскольку, невольно или вольно, психолог будет лишь истощать и без того ослабленную функцию коры головного мозга ребенка. В частности, префронтального ее отдела.

В чем же здесь самая щекотливая составляющая проблематики языка и культуры относящаяся к нам, психологам-психотерапевтам?

На мой взгляд, в том, что когда пациент сталкивается с конфронтирующими языками и стоящими за ними концепциями понимания происходящего с ним, и без того неприятные или тягостные переживания человека усиливаются, порождая страх, тревогу, недоверие, беспомощность. Иными словами: групповые фантазии наших собратьев по профессии, **индуцирующиеся отказом**, в силу **избыточной психологизации происходящего**, от непредвзятого, не идеологического, не придуманного, не интерпретативного, а истинностного, т.е. научного понимания происходящего, в лучшем случае превращают современные психотерапевтические изыски в игру в бисер. В худшем - возвращают нас во времена средневековой схоластики или античной софистики, когда побеждал не тот, кто истинно мыслит, а тот, кто убедительно излагает.

Исходя из очерченных позиций, я бы осмелился «здесь и сейчас», как выражался незабвенный Ф. Перлс, высказать простую мысль, а именно: за проблемой языка психотерапии и культуры стоит на самом деле проблема отстаивания истинного или не такового знания. И хотя

знание действительности не освобождает от нее, оно создает предпосылки для **полноценной ориентировки в ситуации** страдания и в стратегиях избавления от него. Иными словами, **истинное знание – благо. Даже если оно бремя.** Знание же, которое не ведет к сущностному пониманию происходящего с человеком, в том числе касательно его психологического здоровья, не говоря уже о психическом, неминуемо уводит и нас, и наших пациентов в тупики вымыслов, которые выдаются за действительность. И, тем самым, наносят ущерб благополучию человека.

Между тем, до сих пор **проблема исследования внушающего и псевдообъяснительного влияния языка** психологии и психотерапии как она сложилась в XX столетии, на личностную и общественную культуру, на понимание смысла происходящего, остается открытой.

Самым легким способом объяснения этого была бы констатация, вполне в духе Ролана Барта, о том, что кто не желает постигать сущность происходящего, создает метаязык, довольствуясь воплощаемым в нем мифом. И в этом не было б никакого неудобства, кроме одного: не каждому представителю умственных профессий приятно сознавать себя лжецом.

Поэтому какими бы красивыми словами (дискурсом, текстом, нарративом) ни затуманивалась бы специфика взаимоотношений профессионала и его подопечного в нашей деятельности, следует признать неоспоримой следующую данность: отношения врача и больного, психолога- психотерапевта и пациента принципиально ограничены вследствие невозможности полной взаимности. Наступление этой взаимности трансформирует отношения из лечебных, воспитательных, в иные, например, в дружбу или любовь, предмет и значимость которых **сдвигается с фрагментарной помощи** человеку в исцелении телесного или душевного плана его бытия к стремлению как можно более полно разделить свою жизнь с ним. Поэтому **любой язык, ложно представляющий сущность** указанных отношений, или же надуманным образом трактующий происходящее с человеком, тем самым делая его жертвой манипуляций, отражает не что иное как **культуру насилия или «культуру» обмана**.

И вот я утверждаю: с учетом особой значимости суггестии и ее воздействия на психические состояния и установки человека профессионалам в области ментального здоровья необходим подход, напоминающий тот, который к языковым явлениям выработан в лингвистике. **В плане содержания** – объективный, многомерный и многоуровневый анализ предъявляемой феноменологии,

основывающийся на всех доступных возможностях современной диагностики. В плане выражения – приверженность диалогической философии с ее упором на сверхценность личностного «Я», культуру сострадания, культуру диалога, предельную неинструментальность отношений. То, что М. Бубер именовал « взаимным утверждением индивидуального бытия», а М.М.Бахтин характеризовал как процесс, в котором «личность из бытия становится событием». Только сочетание языка науки и языка диалогической философии открывает и создает действительно гуманный и подлинный путь к истинностному пониманию происходящего, особенно в такой сверхделикатной области человеческой жизни и здоровья как психика.

Таким образом, собственно научный подход к проблеме психологического страдания человека по существу ничем не отличается от научных подходов при решении задачи (уравнения) со многими неизвестными. Решение задачи предполагает не столько попытку по-своему объяснить происходящее, (исходя из своих предрассудков, мнений, симпатий или антипатий), сколько понять, в чем ее сущность, открыть неизвестное, исходя из объективной логики, условий и способов определения этого неизвестного. Но стоять только на такой позиции, в сущности, сциентистской, - это как стоять на одной ноге.

Точно так же, как стоять только на одной, **но другой**, если мы займем крайнюю позицию противоположного толка, экстремистским выражением которой служит антипсихиатрическое течение и претендующие на статус психотерапевтических школ, а на самом деле теолого-идеологические или парафилософские течения так называемой гуманистической психологии. Именно в этом, **синтезирующем, направлении**, как мне представляется, и стоит торить дорогу к тому, что именуется «доказательной психотерапией».

Как преднамеренная универсализация социокультурной модели психотерапии посредством беззастенчивого навязывания присущего данной модели подъязыка, (эта претензия на всеохватность локального феномена), так и консервация устаревшего, из прошлых эпох интерпретативного аппарата - вот подлинный движитель всегда по природе условного, и, вследствие этого, неадекватного реалиям происходящего толкования.

В заключение позвольте обратить ваше внимание, уважаемые коллеги, на то обстоятельство, что совершенно недостаточно исследованы именно аксиологические смысловые координаты русской культуры, что заставляет наших практикующих психологов принимать на веру зачастую произвольные, экзотические, а то и архаические верования

и постулаты из других культур в стремлении выстроить то, что П.А.Флоренский именовал духовной ортопедией. Анализ культуuroобразующего содержания религиозно-философских истоков отечественной психотерапии и языка этого содержания, драгоценного достояния, которое мы, представители Русского Мира, обязаны культивировать и развивать, – вот, пожалуй, одна из важнейших задач, стоящих сегодня перед нами.

Благодарю за внимание!